

ПРАЗДНИЧНЫЙ ТАЛАНТ

творческий портрет

ОНА СИДЕЛА в кресле в своей маленькой, уютной гримбушной. Усталая (утренним поездом вернулась из Москвы, потом была запись на радио, вечером спектакль), вся «опрокинутая» в себя, в свои ощущения, душевные движения, закрытая от неосторожного постороннего взгляда. И было понятно, что придется с ней трудно, что собеседница она не из легких, в особенности, когда разговор заходит о сокровенных моментах творческой жизни.

Людмила Макарова впервые ступила на подмостки Большого драматического театра перед войной, будучи ученицей студии. Тонкая, хрупкая девочка с ясными, лучистыми глазами, в которых светилась святая вера в свое предназначение. Такой ее запечатлели фотографии предвоенных лет. С тех пор актриса не изменяла своему театру, переживая с ним и горестные, и радостные моменты. Ее счастливая актерская звезда зажглась в 1956 году, когда БДТ возглавил Г. А. Товстоногов. С его приходом наступала для актрисы пора творческой зрелости. Товстоногов с присущей ему режиссерской проницательностью оценил блестящие данные молодой исполнительницы, ее богатый творческий потенциал. Впредь задачи, которые он поставит перед Макаровой, будут отличаться многожанровым разнообразием. Ибо в многообразии проявлений увидит режиссер главное условие развития артистической индивидуальности.

Однако оставим ненадолго рассказ об этой счастливой поре ее творческой жизни и вернемся назад. Попробуем понять, с каким человеческим и творческим багажом пришла актриса на сцену.

На выпускном экзамене в студии юная Макарова играла Джульетту. В дальнейшем в репертуаре театра ей будет отведено нежное амплуа лирической и лирико-драматической героини. Первой ее большой ролью станет Аня из «Вишневого сада». Затем она сыграет Геро в «Много шума из ничего», Абилай в «Стакане воды», Снегурочку, Клариче в «Слуге двух господ». Актриса имела большой успех в ролях подобного плана. Зрительный зал не мог остаться равнодушным к поэтической одухотворенности ее нежных, трогательных героинь с их грациозной пластикой, хрустальным тембром голоса. Но человеческая натура Людмилы Макаровой была неизмеримо шире и богаче только лирических проявлений. Молодую актрису влекло желание найти индивидуально-неповторимые черточки в характере каждой своей героини. И она находила их. Ее Снегурочка, например, была не только лирической героиней, но это был в какой-то мере и характер. Подспудно в ней угадывались такие неизменные качества женской натуры, как любопытство, капризность, кокетливость.

Аналитическое, авторское начало исподволь заявляло о себе в творчестве актрисы. И это было явлением закономерным. Истоки его — в человеческом складе Макаровой, в фактах ее биографии.

В начале войны юная выпускница студии осталась в Ленинграде. Поступила в театр Балтфлота, с концертными бригадами объездила многие фронты. «Брали в руки чемоданчики, где у каждого было все самое дорогое, а еще и костюм, и парик, и реквизит, я на лодках, телегах, а то и пешком добиралась к своим зрителям-фронтовикам». Экстремальные условия — фронт, отсутствующие сцены, живые глаза людей, только что вышедших из боя. Актеры и зрители — одно целое. Зрители, перед которыми нельзя было сфальшивить, перед которыми надо забыть о собственной усталости и личных невзгодах. Вот тогда, наверное, впервые начинающая актриса нервами своими прочувствова-

ла, для чего искусство может быть нужно людям. Ради чего стоит заниматься искусством. Успех, который она имела в те годы, дал ей крылья, творческий импульс на долгие годы вперед.

После войны в БДТ вернулась актриса, уже искушенная в своей профессии, человек молодой, но зрелый. И потому Макаровой было не очень уютно и человечески, и творчески в репертуаре, который ей доводилось играть в те годы. Актриса стремилась сказать что-то «поверх роли», но не всегда находила поддержку у режиссуры. И была счастлива, когда ей удавалось сделать это. Процесс этих поисков носил характер стихийный.

В спектаклях Товстоногова Макарова раскрылась как точайший мастер перевоплощения, актриса, одинаково блестяще владеющая всеми жанрами, всеми тонкостями сценической стилистики, умеющая вылить характер броско, емко, достоверно, с точным социальным прицелом. И, глядя, с каким азартом и вдохновением отдается Макарова веселой атмосфере водевиля «Ханума», как она строга и сдержанна, играя психологическую, глубоко драматическую роль старой, парализованной женщины Гизы в спектакле «Кошки-мышки», с каким ощущением достоверности горьковского быта печет она пироги в спектакле «Мещане» и идеалит то же, но уже с воображаемыми предметами быта, в спектакле «Наш городок», решенном в приемах крайне условного театра, я затрудняюсь сказать, какой театр, какой жанр, какой стиль ей ближе.

Столь безграничный диапазон выразительных средств, виртуозность владения ими сочетаются в искусстве актрисы с особенным ощущением радости от пребывания на сцене, от самого процесса выполнения сценических задач. Макарова умеет быть радостной в творчестве и заражать этой радостью своих коллег по искусству.

Индивидуальность Макаровой кажется всеобъемлющей, бездонной, вмещающей самые контрастные человеческие проявления. И все же хороших и добрых людей актрисе приходится играть чаще. Потому что в утверждении доброты, человеколюбия, необходимости душевных контактов видит она свою главную художническую миссию. Героини Макаровой, как правило, натуры цельные, гармоничные, деятельные, жизнелюбивые, наделенные праздничным мироощущением. Макарова активно настаивает на женственности своих героинь, настолько внешней (хотя и это немаловажно для нее), сколько женственности как категории нравственной. Женственность для нее — это потребность понять, помочь, защитить, это способность любить преданно и самоотверженно.

Макарова — очень добрый художник. Ей чужд прокурорский тон по отношению к своим героиням, потому что и человек она добрый, очень чуткий, отзывчивый, любящий людей. И очень скромный, чуждый саморекламы.

Неудивительно, что эти качества души и сердца Людмилы Иосифовны так или иначе просвечивают в каждом ее сценическом создании. Она лю-

бит их нежно и трогательно. Любит их и зритель, запоминает как живых, реальных людей. Вспомним некоторых героинь Макаровой.

Катя из спектакля «Пять вечеров» по пьесе А. Володина. Круглое, задорное личико, модная прическа, вызывающе яркий наряд. Экстравагантная «личность»! Манеры — предельно раскованные. Поведение — весьма сомнительное. Однако в исполнении этой роли Макаровой исподволь зрителям открывались иные — добрые качества ума и сердца девушки.

Ролью Кати актриса простила с юными своими героинями. Тема человека, вступающего в жизнь, была исчерпана ею до конца. Темой человеческого в человеке будет озвучено начало 60-х годов в творчестве актрисы.

Первой наиболее значительной вехой на этом этапе стала роль Анечки в «Океане» А. Штейна. Простенькая, кокетливая девчушка с кудряшками — королева курсантских балов. В следующей сцене зрители встречаются с Анечкой Макаровой спустя шесть лет. Замужняя женщина, мать двоих детей, по специальности медсестра. Очертила для себя круг забот семейных и служебных и за пределы его не выходит. Современная модификация классического типа мещанки? Но вот в промелькнувшем воспоминании детства об «улыбках синих-синих, лиловых, желтеньких...» почувствовалась натура тонкая и поэтичная. А в тревожных интонациях распросов о предстоящем походе — глубокое уважение к делу мужа. И поступки, которые в дальнейшем совершит Анечка-Макарова, поставив на карту самое для себя дорогое — свое чувство к Платонову, подтвердят этот вывод зрителю.

Роль Ольги Носовой из пьесы В. Розова «Традиционный сбор» занимает особое место в творчестве Макаровой. И не только потому, что тема актрисы прозвучала в ней наиболее чисто и отчетливо. Было в Ольге-Макаровой нечто иное, подчас неуловимое, что составляет особую ценность актерского творчества. Было то, что сыграть нельзя. Была не только характер, судьба человека, была судьба поколения, ощущение личной причастности к этой судьбе. Была особая личная интонация. В этой роли актриса исповедовалась от своего имени и от имени своих сверстников, прошедших «школу мужества» в суровых военных испытаниях.

И сегодня, в работах 70—80-х годов, Макарова остается верна своей теме. Она звучит по-разному, в разном драматургическом материале. В комедийной Хануме или в драматических образах Марьи Львовны в горьковских «Дачниках» и Гизы в «Кошках-мышках» И. Эренбурга. Иди негативно в блестящем гротесковом сатирическом создании актрисы — образе Анны Андреевны в гоголевском «Ревизоре». Но всегда одинаково убедительно и горячо.

Так сложилась судьба Людмилы Макаровой, что наиболее яркими творческими взлетами она обязана театру. Макарова — актриса сугубо театральная. Для полноценного творческого самочувствия ей необходим воздух театра, необходима сцена, живое дыхание зрительного зала. И можно посочувствовать зрителям, которые не так часто, как хотелось бы, видят любимую актрису на сцене любимого театра. Но Людмила Макарова — яростная оптимистка по натуре, и она упрямо верит в то, что ее роль ее найдет. Хочется разделить надежды актрисы и верить, что в ближайшее время ее порадует встреча с достойным драматургическим материалом — образом женщины глубоким и сложным, многогранным и противоречивым. Ведь Макарова может это. Будем ждать!

Г. МАРКОВА

На снимке: Л. МАКАРОВА.